

ffffffffffffffffffff

Глава 1

— Гори-гори ясно, чтобы не погасло... — прошептал я удивительно тонким голосом, и лишь затем открыл глаза.

Зеленоватые от плесени стены, чернеющие углы под потолком, тусклая мигающая лампочка и часть двери, кажется. Вот и всё, что я вижу. Голову повернуть не могу, как и пошевелиться. Чувствую холод металла под своей обнажённой спиной, как и проволоку, связывающую всё тело. Оно у меня сейчас очень сильно болит, ломит и чешется, а левая рука так и вовсе отсутствует. Меня трясёт от холода... Меня! От холода!

Задёргался всем телом, пытаюсь освободиться, но по итогу лишь исполнил танец червяка после дождя. Тщетно. Крепко связали, гады. Ещё и дар не отзывается, будто и нет его. Странное чувство. Знаю, что источник есть, но он не отвечает. Впрочем, если огонь погас, то известно, что нужно с ним делать. Поджечь, конечно же! Всех спалю.

Только для начала надо выбраться отсюда.

Продолжил тряску, надеясь, что мои пути хоть немного ослабнут.

— Эй, обрубок, — раздался чужой, хрипловатый голос и по двери моей маленькой комнаты постучали чем-то тяжёлым. — А ну заткнись там! Телек смотреть мешаешь! Оп-па. Человек. Это уже хорошо, с людьми всегда просто. Правда язык какой-то странный, но я его понимаю. Телек... телевизор? Да, слышу там гундёж какой-то на фоне. Не знаю, правда, что это такое. Послышались удаляющиеся шаркающие шаги. Набрав побольше воздуха в лёгкие и прокашлялся, повторил и закричал:

— А-А-А! НАСИЛЮЮТ! У-У-УБИВАЮТ!

Затих и прислушался. Из-за двери донеслись какие-то звуки и шёпот. Переговаривались уже двое. Послышалось короткое и громкое: «Почему я?», затем звук увесистой оплеухи, вскрик, шипение. Что-то лёгкое точно упало на пол.

Весело им там.

Ага, так, судя по звукам — лёгкий поднялся, отряхнулся, и подошёл к двери.

Послышался звук перебираемых ключей и снова шипение. Змея он, что ли? Ему ответил рык первого говорившего. Часть двери, которую я видел, отъехала в сторону. Спустя секунду надо мной навис человек.

Ну, что я могу про него сказать? Одет в простенькую жёлтую рубашку и плотную куртку, так сразу и не поймёшь, что за шик моды он на себя напялил. А так, в целом, из того что вижу: папа не старался, мама не любила, или изменяла ему с ослом. Кучерявый. Одно

уху торчит под прямым углом, второе слегка под изогнутым, вверх. Половина рожи красная, и на ней прямо виден след от чужой ладони. Точно не родимое пятно. Глаза зато красивые, правда, непонятно куда он смотрит, на меня или в стену.

Говорил я это всё вслух, и пока комментировал одного из своих надзирателей, тот стоял и от злости пытался слиться цветом лица со следом от оплеухи. Тоже одарённый огнём? Даже я так не умею. Сильный, наверное.

Зато второй заслушался так, что даже у «телека» звук исчез. Внимательно дослушал, всхрюкнул, и заржал, да так, что лампочка над головой у первого аж затряслась.

— Га-а! — второй хлопнул себя по животу, либо по ляжке. — Мамка, с ослом! Хр, ха-а! О! Тот, что стоит надо мной, покраснел. Сварился. Теперь я не могу понять, куда именно в рожу ему втащил второй.

Мелко и злобно посмотрел в сторону второго, мой продукт не решился сделать замечание или ответить. Ну, будет теперь сыном осла. Зато, как только он повернулся обратно ко мне, сразу довольно оскалился, сделал шаг поближе и навис, зашептал, пока второй продолжал ржать и хрюкать, а я принялся подсчитывать, сколько у него целых зубов во рту.

— Ты, гнида, перед смертью смелым стал? Вчера ныл и ссался под себя, — он ещё раз зыркнул в сторону, проверил, что его не слышно второму. — Порешат тебя, сучку, как родичей твоих, порежут завтра на куски. Нам лично Мейстр ляжку обещал, хе-хе.

Человечинка магическая, сразу дар откроем, м-м-м, — договорив это, он закатил глаза в предвкушении.

Тут что, культ людоедов какой-то? Занесло же меня. Впрочем, это всё не важно.

— Десять, — уверенно ответил я этому ужасно страшному мужичку, а тот непонимающе уставился на меня. — Пеньки не считал.

— Чё ты...

— Начальник! Начальник, убери его! — опять заорал я. — Он целоваться лезет! Говорит, что ты плохо целуешься и со мной хочешь! Забери свою ненаглядную!

Смех стих, но не сразу. Какая-то мебель жалобно скрипнула, первый надзиратель поднялся и пошёл к нам, шаркая ногами по полу. Первый явно хотел что-то ответить, но промолчал, вновь глянув на второго. Разве что губой злобно задёргал и отошёл, а на его место встал первый. Эх-х. Такой талант актёрский пропадает.

Про этого что могу сказать... Лысый. Одет так же. Серёжка огромная в губе, в целом — толстяк толстяком, воняет ужасно, чешется, вспотел. Хотел бы и я почесаться, но не его чёрными ногтями. Такими проклинать можно. Вслух, я, конечно же, этого говорить не стал. Видно сразу, что дурак, ещё обидится и зашибить может случайно, ляпнет раз. А мне сейчас, по ощущениям, не то что удара хватит этой лапой, тут если поест не дадут — точно сдохну.

— Здравствуйте, монсеньор, — если я бы мог — поклонился, а так лишь моргнул сильнее и носом шмыгнул, что посчитал достаточным. — Славная погода сегодня, не

так ли?

— Мош, подними его, — проигнорировал меня второй надзиратель, обращаясь к первому через плечо. — Поговорим.

— Это хорошо, — прокомментировал я. — Не люблю лежать. Двигаться полезно для здоровья. Мош, поживее! И спой чего-то, чтобы я не скучал. Придумал, давай нашу народную: Ла-а-а, ла ла-а.

Непонятно, что Мошу не понравилось, моё пение или то, что его заставляют меня поднять. Пока он протискивался мимо толстого, вид у него был такой, будто лимон съел. У меня над головой раздалось шебуршание, пара матов на местном языке, и лишь затем скрип металла, после чего ложе, к которому я был привязан, подняли, и я повис на сдерживающей меня проволоке. Это было... очень больно. Петать я, правда, от этого не перестал. Но фальшивить начал ужасно, вижу по роже толстого, что не нравится ему. Впрочем, его кривая рожа была не единственным, что я смог разглядеть. Понаблюдав, что там за дверью. Небольшое помещение с точно таким же тусклым освещением и парой стульев с баулами под ним, столом, а за ним уходящий куда-то вдаль тёмный коридор и вездесущая плесень.

Толстый решил подтвердить свою разочарованность моим пением с помощью короткого удара. Хекнув, врезал мне в район живота, от чего меня тут же скрутило, а наружу полезло то, что тело, в котором я сейчас нахожусь, съело. Ничего, если быть точнее, один лишь желудочный сок.

В прошлой жизни я бы такой удар даже не почувствовал, сейчас же... мне точно что-то сломали, и каждое мелкое движение отдавалось болью из-за натянутой каким-то мучителем проволокой. И это было настолько больно, что я даже петать перестал. А это уже серьёзно.

Стол для пыток был продуманным, и несмотря на то, что голову мою зафиксировали так, что даже пошевелиться не смог, задохнуться собственной блетовой не получилось. Наклонили ещё немного вперёд, дав мне выпустить всё наружу. Затем вернули на место.

— П...п... — прохрипел я.

— Чего говоришь? — прищурился толстый настолько сильно, что я едва смог разглядеть блеск его глазёнок, залитых жиром.

— Прекрасный удар, — выдохнул, и попытался плюнуть, но уже было нечем, так что лишь криво улыбнулся ему. — Ещё годик потренируешься и будешь бить как моя бабка.

— Шутки шутишь, шутничок? — так же приветливо улыбнулся мне толстый. — Давай проясню тебе твою ситуацию. Ты, — он тыкнул мне грязным ногтем в грудь, — труп. Вопрос только в том, насколько больно тебе будет перед смертью. Никто из твоих не рассказал, крутые, конечно, зато тебе даю последний шанс. Говори, где свою фамильную хрень спрятали Красновы. У тебя есть время подумать до утра.

Договорив это, он полез куда-то в складки своей курточки, а я задумался. Не люблю это дело, но иногда надо. Красновы значит, моя новая фамилия? Возможно, возможно...

Значит, нужно показать ему, где «фамильная хрень» спрятана? Да запросто!

— Пошли, покажу.

— Ага, как же, веди, — лениво ответил мне толстый, продолжая копаться в недрах курточки.

Что ж, я пытался.

— И ещё, Краснов, — толстый вытащил из куртки... сигару, судя по виду, затем достал из коробки палочку с одним окрашенным концом и ловко провёл ею о бок коробки. — Если я скажу...

Что он там пытается сказать, я уже не слушал. Всё моё внимание было приковано к маленькому, горящему огоньку на кончике палочки. И я улыбался. Так сильно, что кожа лица впивалась в натянутую проволоку, а пересохшие губы трескались. Я почувствовал огонь, и мой источник дар проснулся окончательно...

«Гори!»

Палочка мгновенно вспыхнула, и лицо жирного объяло пламенем. Он даже вскрикнуть не успел, пытаясь сбить его с себя руками. Гори, гори мразь! Это тебе не обычный огонь, так просто его не потушить! Попятившийся назад толстяк споткнулся и завалился на спину, начал кататься по маленькой комнате. Выскочивший у меня из-за спины худой тип бросился ему на помощь, но только и успел, что дважды руками проехаться по его лицу, и подхватить часть живого огня руками. Ну какой-же балбес! Спасибо тебе, господи, за таких идиотов!

Толстый уже отправился к госпуду и не шевелился, когда худой собирался закричать, зовя на помощь.

— Эй, обрубок! — обратился я к единственному выжившему, слегка потушив огонь на его руках и не переставая улыбаться. — Крикнешь — сдохнешь. Освободишь — остановлю боль.

Слушал он меня внимательно, и свои попытки позвать на помощь прекратил, но ненадолго. Увидев, что на нём уже ничего не горит, он собрался было бежать, но куда там. Я перенёс огонь с его одежды к губам, и наружу вырвалось только мычание, полное боли, и залитые слезами глаза умоляюще посмотрели на меня.

— Мне повторить, сын осла? Что ж, повторяю...

— Л-ладно, ладно! — замахал он перед собой почерневшими руками. — Я всё сделаю, только не пали, прошу!

— Считаю до трёх. Три... — я сделал паузу, — два...

Объяснять, что конкретно нужно сделать, не потребовалось. Худой, помня о той боли, которую приносит огонь, метнулся и за каких-то пару секунд пощёлкал за моим подъёмным ложем. Я услышал звон падающего на камни темницы железа, и пути,

сдерживающие меня, тут же ослабли, медленно опустив меня вниз, ровно до тех пор, пока мои босые ноги не коснулись прохладного и сырого камня.

Первый шаг в новом теле оказался чертовски сложным, коротким и болезненным.

Пользуясь единственной целой рукой, я сорвал с себя всю ту проволоку, до которой дотянулся, и наступил первый, второй раз. Главное — выглядеть уверенно и сильно, пока тощий не понял, что я уже не управляю таким страшным и болючим огнём.

Обернулся, чтобы посмотреть, как он там. Ага, забился в угол, прикрыл лицо руками и скулит. Понимаю, больно. Хотя, мне сейчас тоже очень больно, но я ведь не ною. Так, где там труп жирдяя...

Вопрос был риторическим. Разлеглась эта туша вдоль всего прохода. Мне срочно нужен его артефакт. Нужно поспешить и найти его, пока тощий не очухался.

Мини-коробка нашлась чуть в стороне от трупа толстого. Прижав культю левой руки к обнажённому телу, я вскрыл её и повторил то, что делал толстый. Получилось не с первого раза, но получилось ведь! У меня в руках был маленький огонёк. Вернулся в камеру к худому, который уже начал приходить в себя и посмел убрать свои чёрные руки от лица.

— Один, — сказал я, и палочка, горящая у меня в руке, подлетела в воздух, зависнув над тыльной стороной руки, встраиваясь в магическое плетение и одновременно становясь его катализатором. Раздался короткий свист, и во лбу у тощего появилось маленькое сквозное отверстие.

Точнее, так хотелось мне, но попал я в глаз, и тот лопнул, разлившись содержимым. Зато теперь не будет косить, да и болеть у него точно ничего не будет. Тощий обмяк, и я наконец-то смог спокойно выдохнуть.

Да, я мог бы его сковать и допросить о том, кто я, где я, что это за мир и какой сейчас год, кто правит этими землями и какой размер груди у местной царицы. Но нахрен мне это нужно?! Я жрать хочу, помру сейчас! Да и лекарские травы не помешают. Так что нечего тратить силы на всяких там идиотов, потрачу лучше их на главного идиота. На себя.

Направился к столику с одной единственной мыслью: «Ну не может такой жиртрест обходиться без еды. Ему надо жрать каждый час, так что у него обязательно должно быть что-то припасено.»

Выудив из под одного стула баул и вытрусив его содержимое на стол, я ничуть не удивился увиденному. На стол шлёпнулся кожаный бурдюк с водой, початая банка из толстого стекла с грибными соленьями и несколько мотков вяленого мяса. Даже слишком много мяса. Карты игральные, прямоугольная чёрная пластинка, похожая на плиту на стене. Звякнувший кошель и ещё один мешок поменьше. Что там внутри, меня не интересовало. схватив мясо, жадно откусил от него и начал пережёвывать. Главное сейчас — не спешить и не подавиться. Иначе умру глупой смертью. Хотя... один раз уже умер ведь.

Сидеть на стуле оказалось куда больнее, чем я думал. Тощая и голая, избитая задница на стуле — это больно. Ходить тоже было неприятно. Тело этого пацана били, и делали это со знанием дела, не пропуская ни единого места. Насколько вижу — повсюду синяки, отёки и прочие «радости жизни». Малость испугавшись, подскочил и проверил места неназываемые, но там ничего не порвано, всё на месте и не кровоточит. И на том спасибо.

Выбрал себе стул помягче: присел на толстяка и продолжил жрать. Мясо оказалось на удивление вкусным, но, уверен, это из-за ситуации. Я сейчас и грязь готов съесть, без соли. М-да-а... И почему я окончательно не сдох? Нет, про перерождения я, конечно же, знаю. Случается такое, если душа не смогла упокоиться. И ко мне это подходит идеально. Есть парочка уродов, которые должны ответить за то, что я оказался здесь. Речь не про надзирателей, то, что я их убил, ничего для меня не значит. Я уже убивал, и делал это много-много раз. Человеческую жизнь я не ценю. Думаю я сейчас о своих братьях, предавших меня... Вот их тела я бы сжигал долго и неторопливо, может, даже пообщался бы с ними как следует перед этим... Или нет? Надо подумать.

Пока моя бесконечно умная голова мыслила о том, как отомстить, и придумывала всяческие способы пыток, продолжил действовать. Прожевал столько мяса, сколько влезло, заел грибами, запил водой. Поморщившись, стащил с тощего засаленную одежду и трижды подумал перед тем, как надевать её на себя. Вздохнув, понял, что выбора, в общем-то нет. Дар мой, хоть и пробудился, но был сейчас настолько слаб, что плакать хочется, но делать я этого не буду. Я взрослый мужчина, хоть и в теле юнца. Ощущения от надетой чужой одежды, пропахшей потом, были мерзотными, но я терпел. Всё же это малость лучше, чем грызущая кожу проволока. Похватал всё, что смог собрать в комнатухе и с тел надзирателей, и хотел уже было пойти вперёд по коридору... Ай, черти, я не я буду, если не проверю что там в других камерах. Ключей было ровно столько же, сколько и комнат в этом подземелье: шесть штук. Быстро подобрав правильный ключ, открыл первую попавшуюся дверь.

Всё тоже самое, как и у меня в комнате: пыточный стол с сотней прутьев, торчащих из него, готовых принять нового заключённого. Ан-нет, вру, уже недавно принимали. Об этом говорят следы крови на полу. Следующие четыре комнаты оказались такими же, разве что количество крови было разным, как и её свежесть. Видимо, я тут не единственный клиент.

А вот последняя комната преподнесла мне сюрприз. Только...

— Маленькие, — расстроено вздохнул я, глядя на скованную и обнажённую темноволосую девушку примерно моего возраста.

Глава 2